

Арина Ларина

Женить
нельзя помиловать

Романтическая
комедия

Арина Ларина

Женить нельзя помиловать

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6060054

Ларина А. Женить нельзя помиловать : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-65112-2

Аннотация

Света Рощина увидела Костю и поняла – это мужчина ее мечты! Она была готова бороться за него со всем миром. Так что победа над его красавицей-секретарем казалась ей пустяковым делом. Все осложнялось тем, что Константин влюбился в эту секретаршу! И чтобы скорее подтолкнуть ее к взаимным чувствам, решил разыграть перед ней подготовку к собственной свадьбе! И на роль невесты нанял... Свету! Так пожелаем же этой девушке женить любимого на себе! Горько!

Арина Ларина

Женить нельзя помиловать

– Уберите сумку!

– Куда я её дену? Если только вам на голову!

Визгливые женские голоса разбили усталую тишину вечернего автобуса, который неторопливо вёз утомлённых трудовыми буднями горожан по заснеженным городским проспектам.

Народ слегка оживился. Ничто так не скрашивает неуютную зимнюю поездку в общественном транспорте, как чужой скандал. Вроде и живенько, и весело, и лично тебе в глаз вряд ли дадут. Самому скандалить – сил жалко, да и чревата последствиями. Что ещё делать в автобусе после рабочего дня? Читать – темно, общаться – не с кем. А вот послушать чужие разговоры или, и того лучше, разборки – куда как интереснее.

– Она мне мешает! Куда вы её пихаете? – завелась яркая брюнетка, отталкивая средних размеров сумочку, болтавшуюся у неё над головой и слегка утюжившую брюнеткину меховую шапку. Шапка была похожа на пышную чёрную кочку, сооружённую из песка. Сумочка, висевшая на сгибе локтя стоявшей над брюнеткой дамы, словно случайно сползала всё ниже и того гляди могла начать уже не утюжить, а выдавать пассажирке подзатыльники. Хозяйка сумки, ухоженная

женщина бальзаковского возраста – не в том смысле, что с неё песок уже сыпался, а в том, что лет ей было что-то около сорока, – раздражённо переминалась на высоченных каблуках и распространяла флюиды гнева. То ли у неё на работе случились какие-то неприятности, то ли просто хотелось сесть, так или иначе «бальзаковская тётка» самозабвенно зацепилась с брюнеткой языками и сдаваться не собиралась.

– А вы уступите мне место и едьте с комфортом! – посоветовала она, увеличив амплитуду размаха сумочки. В том, что место ей никто не уступит, она не сомневалась. Так не для этого разговор был затеян.

– Понаехали, хабалки! – Брюнетка яростно поправила шапку и придвинулась к взволнованной бабушке, сидевшей рядом. Судя по физиономии и напряжённой позе, бабулька то ли плохо слышала и боялась пропустить представление, то ли опасалась, что в случае драки её заденут.

– Ой, тю! Антиллихентка нашлась! – презрительно процедила «бальзаковская».

– Да, причём коренная!

– Коренные, милая моя, бывают зубы и лошади!

– Сама лошадь!

– Кобыла!

Народ зашевелился и начал стягиваться к дамам, уплотняя ряды.

Светлана, понимающе усмехнувшись, отвернулась и уставилась в окно. Подобные скандалы она наблюдала почти

каждый вечер. И была сыта по горло и общественным транспортом, и нервными соплеменниками, и вообще всей своей какой-то скучной и однообразной жизнью.

Единственным светлым моментом в этих поездках был проезд мимо памятника, рядом с которым часто кучковались молодожёны. Похожие на экзотические белоснежные цветы невесты – все в облаках тончайших кружев и в окружении восхищённых гостей; нервные женихи, пугливо прислушивающиеся к внутренним ощущениям и бодро выпячивавшие грудь – мол, вот я орёл, я это сделал, и тут же испуг в глубине взгляда – а оно мне надо? Сосредоточенно-счастливые или деловито-озадаченные родители, сканирующие публику «противной» стороны, чтобы понять, а в какой табор, вообще, они отдают свою кровиночку. Света обожала смотреть на эти кусочки праздника – той новой жизни, частью которой однажды станет и она (в этом у девушки не было никакого сомнения).

За окнами автобуса пролетали иномарки, сыто блестящие лаковыми боками и увозившие в тёплых, уютных салонах счастливиц, которым по странному стечению обстоятельств повезло больше, чем Свете. У них была любовь, деньги, налаженный быт и не было рядом удивительной мамы, которая умудрялась перевешивать своим наличием все позитивные моменты бытия, вместе взятые.

Светлана Рощина, худощавая блондинка двадцати шести

лет от роду, приятная внешне, работавшая преподавателем немецкого языка в частном образовательном центре и нормально зарабатывавшая, была безнадежно одинока и жила с мамой. Характером маменька обладала чудовищным, дамой была крайне неуживчивой, но с активной жизненной позицией. И по любому, кто её мнение не поддерживал, легко прокатывалась асфальтовым катком, оставляя от несчастного безмолвный гладкий блин. Проще говоря, спорить с Дарьей Антоновной было делом бесперспективным и бессмысленным. Она могла переорать любого, растоптать его морально или вывернуть наизнанку все комплексы оппонента, после чего он выбывал из спора. Линию поведения она выбирала исходя из ситуации и, видимо, будучи в душе отличным психологом, никогда не ошибалась.

Благодаря мне Света считала себя ходячим скопищем комплексов, неким конструктором «лего», собранным из мельчайших недостатков и сомнений. И если с возрастом девушка и догадалась, что далеко не всё, что озвучивает родительница, нужно принимать как руководство к действию, то совсем не учитывать мамино мнение у неё не получалось.

В том, что Дарья Антоновна творит добро и наносит пользу от искренней и слепой материнской любви, Светлана не сомневалась. Другое дело, что многие родители любят детей так сильно, что это скорее похоже на моральное изнасилование. Особенно этим грешат мамы мальчиков. Но сейчас речь пойдёт о маме двух взрослых дочерей.

Дарья Антоновна ещё в юности была девушкой горячей, решительной и волевой. Поэтому первый же молодой человек, которого она полюбила, был её волей сломлен и затащен в ЗАГС. Не успел молодой муж оглянуться, как стал отцом и главой семьи. Вернее, это юная жена твердила ежедневно, что он глава, а посему должен, должен, должен. Как оказалось, должен он был столько всего, что инфантильное мужское воспитание не оставило иного выхода, как бросить крикливую супругу с не менее крикливой дочерью и бежать. Так из жизни Дарьи Антоновны пропал первый муж – мерзавец и негодяй.

К выбору второго супруга она подошла уже более основательно и достойную кандидатуру выбирала пару лет. Удивительное дело, но юную Дашеньку совершенно не беспокоило мнение самой кандидатуры. Она всегда точно знала, кому и что нужно. Просто окружали её недалёкие и непонятливые люди, которым это приходилось объяснять.

Увы, сценарий повторился. Только на сей раз молодой отец сбежал он напористой жены ещё до появления дочери на свет.

В итоге Дарья Антоновна растила дочерей одна, всё сильнее озлобляясь на белый свет. И именно брачными неудачами и объяснялась её стойкая ненависть к мужскому полу.

– Хорошо, что вы у меня девочки, – любила она говорить дочерям. – Были бы мальчиками, я б вас... ух!

При всём этом дочерей она любила. Безумно и исступлённо. И столь же исступлённо желала им добра. Именно поэтому старшая дочь Таня выскочила замуж в девятнадцать лет. Она не столько любила супруга, сколько хотела вырваться из-под тяжёлого материнского крыла. Хотя с мужем ей всё же повезло, как ни странно. Но маму было не провести. Она прекрасно знала, что от неё что-то скрывают и в семье старшей дочери всё плохо. Это было темой ежедневных разговоров со Светой.

– Таньку не уберегла, так хоть тебя сохраню, – печально говорила Дарья Антоновна, скорбно глядя куда-то за горизонт.

«Можно подумать, что Татьяну отдали на съедение дракону!» – хихикала про себя Света, но вслух ничего не говорила. Период наивной веры в возможность диалога с мамой уже прошёл. Для Дарьи Антоновны, как в анекдоте, существовало только два мнения – одно её, другое – неправильное.

Но не стоит думать, что Светино одиночество являлось результатом маминой заботы. Света хоть и не была неуправляемой мегерой, но характер имела. Проще говоря, если б ей приспичило замуж, то никто бы её не остановил. Благо пример сестры маячил перед глазами.

Конечно, часть заботливо культивируемых маменькой комплексов дала в Светлане буйные всходы. Так, она знала, что чересчур тоща, а мужики любят мясистых. Это, конечно, шло вразрез с общественным мнением, но куда ему до Дарьи

Антоновны!

– Хорошенькая ты, но все рёбра наружу, – скорбно качала рыжими кудряшками маменька. – И живот уж очень впалый. Из-за худобы и ноги кажутся кривоватыми. Носи-ка ты брюки, чтобы людей не смешить. А то ты у меня как глистик...

Вроде говорилось всё довольно доброжелательно, но представьте себе, к каким результатам это может привести, если объектом критики становится шестнадцатилетняя наивная дурочка.

Света хоть и не считала себя красавицей, но и на звание «глистика» не соглашалась. Однако после маминых замечаний ей приходилось объективно оценивать себя. Света подходила к зеркалу, смотрелась. И делала вывод, что мама права: ножки тонюсенькие, рёбра – как стиральная доска, ручки – веточки.

Тем более, что и знакомые, для многих из которых борьба с лишним весом ещё в подростковом возрасте стала идеей фикс, азартно подтверждали Светланины сомнения. Даже самые близкие подруги под влиянием переменчивого дамского настроения могут брякнуть такое, от чего вы ощутите себя распоследним убожеством. Что уж говорить о просто знакомых девицах. Они с удовольствием потопчутся на ваших комплексах и с радостью поддержат все ваши сомнения, подтолкнув поближе к пропасти.

Но Свете повезло. У неё была подруга Катька, которой бы-

ли неведомы перепады настроения. Катерина всегда искрилась позитивом, жаждой жизни, и её отличное настроение волнами сшибало всех окружающих. Она единственная ржала над Светиными переживаниями и честно, по-белому, завидовала.

– Дура ты, Рощина! – умильно улыбалась Катька. – Счастья своего не ценишь и не видишь. Маманя твоя, дай ей бог здоровья, из ума уже выживает. Нет бы гордилась, что такую красавицу вырастила. Ты хоть сама подумай. Ну как можно слушать человека, который сам себе противоречит? Татьяне она полирует мозг, что Танька толстая, сиськи отрастила, попу отъела, морда шире кастрюли... Да не мычи, я сама слышала. А с тобой всё строго наоборот. Думаешь, я не знаю, что она про меня говорит? Ха! Знаю. Поэтому не я к тебе в гости хожу, а ты ко мне. Я нервные клетки берегу, они не восстанавливаются. Съезжала бы ты от мамули своей, пока она тебе всю психику не поломала.

Но Света лишь примирительно улыбалась. Все же мама – это мама. Да и нерационально снимать квартиру. Дешевле накопить денег и купить свою. А если снимать, то копить будет уже не с чего.

В принципе, самую идею о раздельном проживании Света не отрицала.

Кроме недовольства дочкиной фигурой Дарья Антоновна не скрывала и крайнего разочарования в её причёске.

– Слабые у тебя волосы, тонкие, да и жидкие, – говорила она. Глядя на средней густоты, но ровные и блестящие волосы дочери, которые та торопливо затягивала резинкой. – Надо с этим что-то делать. Ты в отца пошла. У него тоже ещё по молодости плешка была. Он так, знаешь, бывало, сидит утром перед зеркалом и свои три волосинки аккуратно веером по кочешку раскладывает. Ты бы хоть завивку сделала, а то смотреть тоскливо. Вечно залижешь всё, хвост шнурком повесишь и рада. Женщину украшают волосы.

Если слушать маму, то у Светы вообще всё, что должно украшать женщину, отсутствовало. Но Дарья Антоновна готова была над этим работать. Даже если чадо будет отбиваться.

Таким образом, совершенно понятно, что Света себя недооценивала. Но и мужчин она не идеализировала, поэтому не обилие комплексов служило причиной её одиночества.

Света ждала любви. В том, что что-то такое есть, она не сомневалась ни грамма. Разумеется, все мужики – грубые животные, которые живут лишь инстинктами – жрать, спать, баба. Но! У любого правила должны иметься исключения. Тем более что муж сестры как раз и был таким исключением. Света была уверена, что Таньке безусловно повезло, чего бы там ни говорила мама.

А раз повезло сестре, то повезёт и самой Свете. И дело было даже не в закономерности, которую Светлана, возмож-

но, придумала для собственного спокойствия. А в том, что нормальные мужчины всё же в природе существовали. И рано или поздно она такого найдёт. И уж тут мамино мнение не будет иметь никакого значения, поскольку мнение родительницы о противоположном поле Света знала наизусть.

Время в запасе пока было. Хотя у Дарьи Антоновны и на этот счёт имелось своё, как водится, строго противоположное мнение. Тут она вступала сама с собой в противоречие, так как, с одной стороны, дабы уесть всех товарок и соседей, хотела, чтобы у дочери всё было как у людей. А с другой – категорически не желала видеть в семье ещё одного паразита. При этом (на данном моменте она настаивала особо!) внук без отца был бы страшной трагедией и позором. В общем – неразрешимый когнитивный диссонанс.

Про себя Света, конечно, подхихикивала над мамиными противоречиями, но вслух соглашалась на всё. И жила она до поры до времени более-менее терпимо, изредка вступая в стычки с родительницей или оказываясь на линии огня, когда маменька ссорилась с сестрой.

Спокойная жизнь закончилась в один миг, обрушившись на Светлану необычайно яркой реальностью.

Дабы разнообразить жизнь, протекавшую под тотальным маминым контролем и в мамином же обществе, Света решила записаться в фитнес-клуб. И вовсе не для того, чтобы похудеть, или, как водится, познакомиться с подходящим му-

жичком. У неё и в мыслях этого не было. Просто осточертело коротать вечера с мамой, и подвернулся ещё один повод меньше бывать дома. Тем более что абонементы продавали с сумасшедшей скидкой.

Именно на пороге клуба всё и случилось.

...Любовь с первого взгляда, о которой писали в книгах, представлялась Свете довольно глупой сказкой для наивных подростков. Ведь каждому ясно, что сначала надо узнать объект страсти, понять, чем он дышит, каков он, и потом уже каким-то образом придёт вышеупомянутое чувство.

– Светик, есть химия, понимаешь? – вещала более опытная Катерина. – Ты видишь мужика, у тебя в организме происходит химическая реакция, взрыв – и всё. Твоя неприступность разлетается вдребезги, и ты готова на цырлах скакать за объектом обожания. Просто у тебя такого ещё не было.

Света искренне веселилась. О какой химии может идти речь? Человек – не пробирка с химикатами, ничего в нём не взрывается. Это всё красивые слова. Люди же любят объяснять всё непонятное доступными методами. Вот и придумали подобную ересь.

Химия всё же была. И взрыв. И всё остальное.

Света увидела Его в холле фитнес-клуба и оцепенела, задохнувшись от нахлынувших чувств. Она ничего не знала об этом мужчине с весёлым взглядом и светлой улыбкой, но это

вовсе не помешало ногам подкоситься, рукам задрожать, а сердцу забиться в каком-то прединфарктном ритме.

Это было на всю жизнь. Когда видишь человека и понимаешь: больше никто и никогда тебе не будет нужен. Кроме него.

А Он лишь пружинисто обошёл застывшую у входа девушку, вежливо улыбнувшись ничего не значащей улыбкой, и исчез на улице.

* * *

Январское солнце чёртиками искр пронзало идеально вымытые стёкла, скакало по ламинату и залихватски плясало на Леночкиных бёдрах. Бёдра, обтянутые короткой юбочкой с мелкими стразами, ритмично покачивались в такт походке.

Туда-сюда, туда-сюда. Цок-цок, цок-цок.

Тонюсенькие шпильки звонко щёлкали по полу, унося стройные ножки и их очаровательную владелицу в недра офисных коридоров. Глубокий разрез нахально размахивал тонким трикотажем, словно поддразнивая цепеневшего от избытка чувств молодого мужчину, с грацией голодного хищника шагавшего следом.

Леночка прекрасно знала, кто за ней идёт. И не сомневалась, что он смотрит – замороженно, напряжённо. И, вероятно, сглатывает слюну, нервно дёргая кадыком и вытирая вспотевшие ладони о свой дорогуший пиджак. А как же ина-

че? Все мужчины реагировали на неё одинаково.

Ещё в школе она получила прозвище Елена Прекрасная. Так ведь было за что!

С самого детства Лена Сухарёва слышала о том, какая она красавица. Об этом говорили мамнины знакомые, соседи, воспитатели в саду и учителя в школе. В общем – вполне авторитетные люди. Голубоглазая блондинка с идеально правильными чертами лица, ровными белыми зубками и сногшибательной улыбкой. Даже на фотографиях времён детского сада она первой бросалась в глаза, так как была похожа на удивительную фарфоровую куколку. Конечно, мама всегда лезла из кожи вон и наряжала её соответствующе – общественное мнение обязывало, да и быть родительницей бесспорной красотки очень почётно.

В те времена ни про какие конкурсы красоты для детей никто и не слыхал, а то быть бы Леночке главной принцессой Всея Руси. Это сейчас на благодатную почву материнского самомнения бросают зёрна чуждых нам западных идей, демонстрируя целые реалити-шоу по подготовке крошечных девочек к подобным мероприятиям. Невменяемые мамыши азартно в этом участвуют, а вменяемые содрогаются, глядя, как крохам перекрашивают волосы, наклеивают ногти, намазывают загар, приклеивают (да-да, именно так) трусы и нашлёпывают на нежные мордашки килограммы косметики, превращая девочек в подобия взрослых дам. Затем девочкам

дают пару уроков кокетства, после чего выпихивают на сцену, где они с азартом женщин лёгкого поведения старательно кривляются, флиртуя с судьями. Именно эта вакханалия и именуется детскими конкурсами красоты.

Так вот в те благодатные времена, когда Леночка ходила в детский сад, ничего подобного ещё не было. Вероятно, только сей факт и уберёт юную нимфу с модельной внешностью от сомнительной карьеры на подиуме.

Мама всегда говорила:

– Всех красивых считают дурами. Но если не только красивая, но ещё и умная – это ядерная смесь, которая подорвёт сердце и кошелёк любого самца. Главное – самой сделать правильный выбор. Вряд ли судьба даст много попыток, поэтому к решительному удару по мужику нужно готовиться заранее. Удиви всех и стань умной.

Леночка очень старалась удивить. Но, одарив её феноменальными внешними данными, природа слегка поскупилась на извилины, поэтому учёба давалась девушке с трудом. Но и это маму не смущало. Она была уверена: за её дочь рано или поздно прискачет принц-бизнесмен и увезёт Елену во дворец, не забыв прихватить с собой и маменьку. Эту идею мама с бессознательного возраста культивировала в Леночкином сознании с упорством натуралиста, пытающегося в условиях Крайнего Севера выращивать ананасы. Внешность младшей Сухарёвой была признана единственным се-

мейным достоянием. Это стало аксиомой и отрицанию не подлежало.

В итоге Лена твёрдо усвоила, что главное – произвести впечатление, зацепить на крючок, а уж дальше дело техники. Для этого она не жалела ни сил, ни средств. Последние копейки тратились на одежду и хорошую косметику. Ведь даже принц заметил Золушку лишь на балу, когда она отплясывала там в хрустальных туфлях и платье, подаренных феей. А заявись она на праздник в своём обычном скромненьком наряде? Да как минимум никакой принц ей бы не светил, а как максимум – её вообще во дворец никто бы не допустил.

Кроме того, политику семьи Сухарёвых оправдывала и поговорка «По одежке встречают...». Именно так. Сначала тебя встретят, а потом уже будут копать в душе и умственных способностях. И это абсолютная ерунда, когда девицы машут руками и высокомерно рассуждают о том, что не в шмотках счастье. Может, оно и так. Да только махать на объективную реальность можно лишь тогда, когда ты уже отхватила себе мужа и живёшь в беспечной уверенности, что он любит тебя и в тренировочных штанах, и со сметаной на физиономии, и с короной из бигуди (именно через эти бигуди у некоторых потом и прорастают ветвистые рожки). Так что мадемуазель Сухарёва точно знала: женщина всегда должна быть в первую очередь женщиной, а уже во вторую – умной. Хотя сама Лена совсем уж душой точно не была. Да, не суждено ей с умным видом смотреть в микроскоп, изобре-

тать роботов или писать докторскую по физике Солнца. Но более-менее сносное образование она получила, безмозглой пустышкой не была, и никто не посмел бы назвать её типичной блондинкой.

Если женщина забывает о своей принадлежности, то уж её спутник жизни и подавно об этом не вспомнит. Именно поэтому юным девицам не рекомендуется взваливать на себя излишние заботы, освобождая любимого не только от бытовых хлопот, но и от процесса добычи материальных средств. Как кот, которого регулярно не тычут носом в испорченный ботинок, привыкает гадить в вашу обувь, так и мужчина, которого не держат в тонусе постоянными требованиями, адаптируется и повисает на вашей шее блаженно-ленивым хомутом. Тут главное не перестараться с капризами и не переусердствовать в воспитательных потугах. Муж – это оружие в руках умелой дамы. Непросвещённая в этих вопросах неумеха извлечёт из супруга не больше пользы, чем из фрезерного станка. Ну – есть и есть, гудит, а что с ним делать и зачем он вообще – непонятно.

Леночка считала себя умелой. Вот только подходящего мужчины пока не нашлось. А самой большой проблемой стало то, что, пока она такового искала, умудрилась влюбиться в совершенно неподходящего. Осознание сего прискорбного факта сильно отравляло ей жизнь.

Цокот каблучков в сочетании с изящной линией щиколотки, переходящей в невероятно стройную ножку, сводил Константина Манурова с ума. Его в этой девушке вообще всё сводило с ума: и белокурые локоны, и тонюсенькая талия, и нежная кожа, и всё остальное. Периодически Костя ловил себя на мысли, что закатывает глаза и уходит в нирвану, предаваясь совершенно неприличным подростковым фантазиям. При этом поделаться с собой он ничего не мог, так как хоть человек и может повелевать миром, но любым человеком повелевают гормоны. И если уж они бродят по организму, то рано или поздно ударят в голову и вышибут из неё любые мысли о работе и прочей чепухе.

...— Леночка, — он догнал её уже у двери в свою приёмную и смотрел, как она возится с замком. Для этого секретарше пришлось слегка отключить попку и изогнуться. — Давайте я вам помогу.

— Ой, — звонко отозвалась она. — Вы меня напугали. Я думала, вы сегодня позже будете.

— А я решил вас удивить. Получилось?

— Нуууу, — озадаченно прогудела Леночка, прикидывая, пора заканчивать этот бессмысленный трёп или ещё пару минут порадовать начальство. Ведь Константин Николаевич небось думает, что остроумен, как Жванецкий, и неотразим, как Бандерас. Вон как пыжится. — Слегка.

— А что нужно сделать, чтобы удивить вас не слегка, а

очень сильно? — с каким-то загадочным подтекстом, добавив во взгляд непонятной мути, прошептал Мануров.

Дамы же любят, когда их пытаются обаять, очаровать и завоевать. Делать это следует по всем законам бразильских мелодрам — кроя страстные рожи и изображая неуёмный эротический пыл. Иначе до дам доходит плохо. Они вообще особи крайне непонятливые и непредсказуемо обидчивые.

Леночка чуть повернула точёный профиль в сторону Константина и снисходительно улыбнулась, словно убогому. Отвечать она не посчитала нужным.

Мануров и сам чувствовал себя идиотом. Обычно с девицами всё было как-то проще. Они быстро оценивали его одежду, благосклонно принимали знаки внимания и активно вступали в фазу бартера: подарки — секс.

А тут требовались дикие усилия, чтобы подтолкнуть сотрудницу в нужную сторону. Отношения у них развивались как-то вяло. Хорошенькая, даже не хорошенькая, а дивно красивая секретарша оказалась исполнительной, старательной и неприступной, как поселение викингов. Любые заигрывания шефа она встречала если не в штыки, то уж точно с явным нежеланием идти на сближение. Она держала дистанцию, словно опытный водитель, за которым по пятам следует машина гибэдэдэшников. Хвататься за неё руками Константин опасался, хотя и очень хотелось. Форсировать события тоже побаивался: при всей его мужской самоуверенности червячок сомнения всё же подтачивал непоколебимую

убеждённости в собственной неотразимости – а ну как будет послан, и что тогда?

Позже к азарту завоевателя начало примешиваться что-то ещё, что спустя некоторое время Костя Мануров смог идентифицировать как влюблённость.

И он испугался.

Влюбляться Константин не умел, не хотел и вообще считал это чем-то постыдным. Зависеть от женщин нельзя. А любовь делает тебя зависимым и уязвимым, как перевернутый на спину еж.

Мужчина же должен быть сильным и довлеть над ситуацией, а не наоборот.

Костя Мануров был в некотором роде баловнем судьбы. Учился отлично, одевался стильно, всегда был в центре внимания, благо природа внешностью не обделила – темноволосый, поджарый, с лучистыми глазами мальчика из хорошей семьи и ошеломляющей улыбкой киноактёра, на которую и покупались абсолютно все барышни. Нельзя сказать, что он был красавцем. Но харизматичным и притягательным – безусловно. С деньгами помог папа, с образованием – мама, так что в итоге к тридцати годам он стал довольно успешным бизнесменом, любимцем дам и просто беззаботным плейбоем, легко срывающим любые цветы, услужливо посаженные на его пути судьбой.

И только об Елену Сухарёву он, фигурально говоря, сло-

мал свои тщательно отполированные зубы.

Мануров твёрдо придерживался принципа: не гадить, где работаешь, поскольку расставаться девушки не любили и не умели. Ещё бы – молодой, красивый, богатый – и вдруг наелся чувствами, сыто икнул и помахал ручкой. А наличие на работе очередной недовольной разрывом пассивности позитива не прибавляет. Проблемы вообще никому не нужны, а успешному мужчине и подавно. Пару раз он обжёгся и сделал вывод: все бабы – за пределами конторы. Благо выбор велик.

Как показала жизнь, никогда и ни в чём нельзя быть абсолютно уверенным.

Чётко осознавая, как надо жить правильно, Костя умудрился попасть в ситуацию, в которую ни при каких обстоятельствах попасть был не должен.

Лена Сухарёва свалилась на него как лавина и погребла под собой все прежние представления о правильном и неправильном.

– Не парься, пройдёт. Это просто спортивный интерес, – утешил Манурова друг и соратник Андрей Вересов. Андрей был хоть и моложе, но по умолчанию мудрее. В отличие от Кости он не попадал в неприятные истории с девушками, любил всё продумывать и просчитывать и вообще был обстоятельным и неазартным, как член партии времён застоя, опасющийся за своё место и моральный облик. С одной стороны, Костя считал друга слегка занудным, а с другой – только

Вересов удерживал его от различных авантюр как с дамами, так и в бизнесе. Андрей был высоким, худощавым, немного нескладным очкариком, и на его фоне Мануров выглядел форменным красавцем.

– Но я её всё время хочу, – нудил Константин, набулькавшись коньяка и дойдя до кондиции унылого студня – когда ещё какое-то подобие формы сохраняется, но собраться в кучу нет никаких сил. – У меня навязчивое состояние и нервы ни к чёрту. Нравится она мне.

– Костян, ты ведёшь себя как дитё, которому мама отказывается покупать машинку. Вот всё время покупала, а тут вдруг не хочет. Плюнь. Купи другую бибику и катай её, сколько влезет.

– Не нужна мне другая. Я, кажется, влюбился, – пугливо покопавшись в ощущениях, выдал Мануров.

– Тогда ты попал, – добродушно резюмировал Вересов. – Сочувствую.

– Мне нужно ещё что-то, кроме сочувствия, – вздохнул Костя.

– Больше ничего предложить не могу. Видел я твою секретаршу. Себе на уме, хитрая штучка, хоть и хорошенькая. Я считаю, либо она цену набивает, либо у неё уже кто-то есть, и ты не в тему.

– Я её отобью, – пылко заявил Костя и ещё плеснул в себя конька.

– Ну, тут главное, чтобы тебе ничего не отбили. Надо ж

разобраться, кто там у неё. Да и вообще, разберись сначала, надо ли тебе это всё. Что-то я тебя не узнаю. Такой попрыгун, и вдруг какие-то серьёзные чувства. По-моему, ты себе это всё придумал.

– У меня серьёзно, – упёрся Мануров.

– Ладно. Тогда возвращаемся к тому, что я уже говорил. Сочувствую, – пожал плечами Андрей. Он так давно знал друга, что был уверен – тот вообще вряд ли когда-то женится, ибо к любви и постоянству просто не способен. Да и где её взять – такую женщину, чтобы захотелось быть рядом с ней всю жизнь? И, о ужас, с ней же и состариться! Для этого надо уметь, как минимум, уважать женщин и ценить не только молодые, аппетитные выпуклости. Должно быть что-то ещё. Сам Андрей верил, что однажды, если повезёт, он такую встретит, а вот Костя – вряд ли. Не тот он человек.

И тут такой сюрприз.

– Знаешь, – пропыхтел Вересов, затаскивая приятеля на диван, с которого тот в блаженном опьянении съехал на пол. – А я за тебя, наверное, рад. И даже, представь себе, завидую.

Но ничего этого Мануров уже не слышал.

Он спал сладким сном человека, не обременённого проблемами и муками совести.

Утром Костя к разговору вернулся. Был он непривычно мрачен и сосредоточен. Видимо, всё же хоть одна проблема в его жизни появилась

– Тогда попробуй её завоевать, – подумав, предложил ему Андрей. – Девушки – они ж непостоянные, как погода в тропиках. Куда ветер дунет, туда флюгер и повернётся. Дари подарки, делай сюрпризы, удивляй. Рано или поздно она сдастся. Если захочет.

– А если не захочет? – напрягся Мануров.

– Ты сделай так, чтобы захотела. Только не спрашивай меня, как. Я в этом не разбираюсь. Я их вообще не понимаю. Для меня бабы – инопланетянки. Я их вообще боюсь, так как мужика просчитать можно, а бабу – никогда.

– Лена – не баба, – подумав, изрёк Костя.

– Всё. Диагноз поставлен, – расхохотался Вересов. – Дობавь романтику. Они это любят. И в бой.

* * *

Лена равнодушно дала снять с себя шубку и, не глядя на шефа, пошла включать компьютер. Константин бережно повесил шубейку в шкаф, туда же бросил свою куртку и решительно подошёл к Леночке почти вплотную.

Она спокойно подняла глаза и выжидательно уставилась на обнаглевшее начальство.

– Кофе? – уточнила она, когда пауза затянулась.

Вообще-то Костя собирался пригласить её вечером в ресторан, но пришлось сделать вид, что да, именно кофе.

Он с раздражением хлопнул дверью, оставив сотрудницу

стоять столбом посреди приёмной.

– Просто интересно, – пробормотала Лена. – Сколько он ещё будет телиться. Надо же, какой робкий. Хотя... может, это и к лучшему.

Когда выбора нет – жить легче. Вот в советские времена приходил человек в магазин, а там колбаса либо была, либо её не было. И никому не приходило в голову спрашивать – какая. Есть – и вот оно, счастье. Хватай и неси домой. А потом появился ассортимент, от которого разбегались глаза и дилемма возникала за дилеммой. Так и с мужчинами. Если у какой-нибудь простушки появляется кавалер, то она вцепляется в него, как утопающий в обломок доски, и висит из последних сил. Так как понимает – упустит этого, другой уже вряд ли подвернётся. Хотя, может, и подвернётся. Но не факт. Поразмышляв, она ещё сильнее впивается в подкинутого судьбой кавалера и по сторонам особо не зыркает. А у красивой девушки этих кавалеров – пруд пруди. И поди-ка, выбери самого-самого, чтобы потом локти не кусать. Даже платье в магазине и то подобрать проще. Вот хочешь ты, например, с перламутровыми пуговицами, пояском и вырезом сзади, а тебе – либо без пуговиц, но с пояском и вырезом, либо без выреза, но с пояском и пуговицами. И ты думаешь, ошалев от гуляния по этажам и желания уже завершить этот бесконечный шопинг: «Да и фиг с ним, пусть без пуговиц, всё равно на один сезон. Потом другое куплю!»

С мужчинами такой фокус не пройдёт. Любая девушка кавалера сразу примеряет в качестве мужа. А тут уж одним сезоном не обойдёшься. Но, о боги, самцы точно так же то без выреза, то без пуговиц, фигурально выражаясь. То умный, красивый, но бедный. То не бедный, но дурак. То красивый, не бедный, зато алкаш какой-нибудь. Найти мужчину нужного фасона – это вам не платья в торговом центре перемерить. Пока с каждым разберёшься и все изъяны вычислишь – тут и молодость пройдёт. А там и выбор пожиже станет, а то и вовсе – не ты будешь выбирать, а тебя.

Лена при всей свободе выбора находилась в тупике.

– Любовь зла, полюбишь и козла, – злилась её мама. Злиться она имела полное право, как, к примеру, любой вкладчик «МММ». Ты, понимаешь ли, продаёшь квартиру, снимаешь последние серьги и трусы и несёшь кому-то в надежде со временем получить дивиденды. А у тебя, как раз перед запланированным получением фантастической прибыли, перед носом захлопывают дверь и вывешивают табличку «Закрето навсегда».

Леночкина родительница ощущала нечто похожее.

Всю жизнь она горбатилась на дочку: кормила, поила, одевала и вкладывала в её красивую головку умные мысли. И тут прискакал тот самый козёл.

Лена пыталась пустить бриллиантовую слезу и объяснить маме, что любимый не козёл.

– Да как же не козёл? – билась в истерике мама. – Денег мало, бизнес средненький, перспектив никаких.

– Ну и что? – вопрошала дочь, прекрасно, впрочем, понимавшая «что».

– А то! Что не для этого я тебя родила и вырастила. Твоя планка гораздо выше! Этот мордан тебе не пара. Ты можешь выйти замуж за олигарха! За нефтяного магната! И обеспечить не только себя, но и своих внуков и правнуков. А этот что тебе даст? Любовь? И что ты будешь делать, когда любовь пройдёт? Поверь, только по молодости кажется, что этот всплеск гормонов – навсегда. Ты даже представить себе не можешь, как быстро всё испаряется и закапывается в серости будней. Так вот чтобы твоя жизнь не превратилась в убогое существование – нужен богатый муж. Чтобы то, что для других праздник – для тебя стало обыденностью. Покупка кольца, поход в ресторан, поездка на Гавайи – само собой разумеющееся. А вот когда ты начинаешь считать копейки и радоваться букетику гвоздик на Восьмое марта и день рождения – будь уверена, это первый признак того, что твоя жизнь не удалась. Только сделать с этим будет уже ничего нельзя. Бойся связать судьбу не с тем, кто превратит твою жизнь в праздник, а с тем, кто будет ждать этого праздника от тебя. Я ошиблась и имею право давать советы. Твой папаня тоже был красивый и обещал всякую ерунду, про которую сразу после свадьбы забыл. А потом он и вовсе спился и помер. Вот и вся любовь. Ты сейчас пытаешься повторить

мою ошибку. Костями лягу, но не дам.

Мамино мнение было аксиомой. Да Леночка и сама сомневалась в правильности выбора. Только вот поделаться с собой ничего не могла. Любовь – не сумочка, её на другую в бутике не обменяешь – что выдали, с тем и живи.

Но нельзя не признать, что кроме любви в жизни присутствует и трезвый расчёт. И этот расчёт подсказывал, что считать Леночка собирается не то, не там и не так.

За три года она успела сменить несколько мест работы. Эффектную блондинку легко брали в крупные компании (а мелкими она не интересовалась, поскольку там олигархов не водилось), так же легко избалованные прекрасным полом начальники начинали идти на сближение, но вот как раз тут и стало выясняться, что Лена с мамой ошиблись. Никто не нёсся к ней предлагать руку и сердце. Никто не падал как подкошенный у её ног. Все просто торопились прибрать к рукам красивую игрушку и попользоваться. Но, как и любая девушка, отягощённая правильным воспитанием, мадемуазель Сухарёва совершенно не планировала спать со всеми подряд. Она вообще ни с кем спать не планировала, а жила в выстроенной мамой модели мира: прискачет принц, красиво сделает предложение, и они под нужную музыку отправятся в ЗАГС.

Ровесники, как нахальные, страдающие от избытка неис-

пользованного тестостерона, так и очумело-застенчивые, страдающие от того же, в эту модель тоже не вписывались. Но это как раз не удивляло.

Нахальные искренне недоумевали – почему, собственно, нет, когда так хочется и все это делают? А застенчивые просто тёрлись рядом, но по причине отсутствия смелости и денег сделать красивое предложение были не в состоянии. Это всё было объяснимо, Леночка тоже не из-за печки выпала и в современных реалиях разбиралась вполне сносно. Другое дело, что и с сильными мира сего модель также не срабатывала. Более того, они практически не отличались от ровесников и действовали так же незамысловато. Из чего Лена довольно быстро сделала простенький вывод: мужчины не взрослеют. Их инфантилизм распространяется не только на разбрасывание носков, но и на незатейливое поведение с дамами. Проще говоря – не собирались они напрягаться ни на какую романтику.

Когда Леночка первый раз заикнулась начальнику крупного филиала известной торговой фирмы о том, что она не такая, тот долго веселился, после чего предложил либо всё же не выделяться и идти в койку, либо увольняться.

– У меня из таких, как ты, очередь стоит, – беззлобно пояснил он, разглядывая гордую фею как диковинный экспонат.

– Но я так не хочу, – попробовала объяснить свою пози-

цию обалдевшая девушка. – Это неправильно. Нельзя же с женщинами вести себя как петух в курятнике: шёл мимо, приспичило, потоптал и дальше пошёл по своим делам.

На петуха начальник обиделся, и Леночка вылетела с работы без рекомендаций.

Надо заметить, что девушкой она была целеустремлённой, просто так время терять не планировала, поэтому хоть в резюме и не указывала, что желает попасть в контору с молодым начальством, но потрёпанные экземпляры безжалостно отсеивала, сокращая время собеседования в этой фирме до минимума. Так что кастинг был двусторонним. Цену себе барышня знала и продаваться какому-то там плешивому грибу не собиралась. Претендент на место мужа должен был иметь приятную внешность и быть не старше сорока лет. Она ж не какая-то там охотница за чужими деньгами. Нет – Лена хотела любви и комфорта, в том числе и душевного. А мама предупреждала: со стариком это вряд ли получится. И с молодыми-то тяжело бывает, всё же мужчины – народ для совместного проживания мало пригодный. Это они друг с другом легко находят общий язык, а с дамами всё сложнее – сплошное недопонимание и взаимная порча нервов.

На следующем месте службы она постаралась донести свою идею до любвеобильного начальника в более мягкой форме, намекнув, что за девушками ухаживают вообще-то.

– И как я должен за тобой ухаживать? – заинтересовался босс. Таким тоном обычно мальчишки спрашивают, как ра-

ботаает карбюратор или как управлять вертолётom.

– Девушкам дарят цветы, – приняв его интерес за чистую монету, радостно начала перечислять Лена, – водят в театры, в филармонию, делают подарки...

– Давай сократим программу, – перебил её шеф. – Ты едешь со мной в командировку, живёшь в моём номере, и, если меня всё устроит, я тебе подарю колечко. На твой вкус. Идёт?

Ошарашенная столь примитивным и отвратительным предложением, Леночка покраснела и от негодования потеряла дар речи. Пока в ней боролись желание отвесить наглецу пощёчину и остатки надежды на то, что он пошутил, мужчина с сожалением подытожил:

– По лицу вижу – не идёт. Всё, проехали, забыли. Какая-то ты впечатлительная очень. Работай спокойно. Как секретарь ты меня устраиваешь.

Но работать спокойно после такого оскорблённая барышня уже не смогла, в связи с чем написала заявление по собственному желанию и снова оказалась безработной.

И тогда мама напряжённо констатировала, что дочь что-то делает не так.

В фирме по трудоустройству к вернувшейся секретарше тоже отнеслись без энтузиазма.

– Что-то вы как бумеранг, – недоброжелательно посетовала взъерошенная, рыжая девица. – Что-то вас всё увольняют

да увольняют.

– Я сама ухожу, – буркнула Лена. – Они пристают.

– Давайте найдём вам начальницу-женщину, – рыжая презрительно поджала губы, смерив соискательницу напряжённым взглядом.

– Нет, – помотала платиновыми локонами Леночка. – Я с женщиной не сработаюсь.

Рыжая фыркнула и замолотила по клавишам.

...Компания Константина Манурова на сегодняшний день замыкала список организаций, которые по определённым параметрам устраивали капризную Леночку. Не трудно догадаться, что основным параметром стал сам владелец, он же финансовый директор – Константин Николаевич. Он был молод, хорош собой, богат – в общем, вполне подходил. Он даже немного нравился разборчивой невесте.

– Хоть в этот раз не испортить всё, – напутствовала Леночку в первый рабочий день мама.

И Лена старалась не испортить. Изо всех сил. Она была исполнительна, старательна и жёстко держалась от шефа на расстоянии, не забывая провоцировать его короткими юбками и смелым декольте. Нельзя сказать, что в декольте у неё было вот прям две дыни. Но кое-что имелось. За сердце при виде её прелестей никто не хватался, зато менеджеры и мелкое начальство мужского пола активно кружились рядом, словно осы над банкой с вареньем. Но это были пти-

цы не её полёта. Леночка берегла свои козыри для главного удара, как опытный полководец – армию.

Знаки внимания новый шеф начал проявлять почти сразу. И наконец-то впервые начальство не пёрло на неё как бык-осеменитель, а осторожно прощупывало почву. Вежливо, интеллигентно, но чем дальше, тем навязчивей. И надо ж было такому случиться, чтобы именно тогда, когда всё почти получилось, и даже представитель племени мужиков, известного своей непредсказуемостью и непрограммируемостью реакций, вёл себя прямо как по писаному, Леночка влюбилась. И вовсе не в распланированного и продуманного хозяина своей фирмы, а в обычного бизнесмена средней руки. Да какой там средней! У «котика» была всего пара мест в небольших торговых центрах, и торговал он всякой ерундой, вроде хозтоваров и пластмассовой посуды весёленькой расцветки. Но даже если бы любимый продавал туалетную бумагу – и это не остановило бы очумевшую от нахлынувших чувств барышню. Правильно поётся в известной песне: любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...

Лена опаздывала на работу. Опаздывала просто неприлично, поэтому пришлось ехать не на общественном транспорте, а ловить машину. Когда у обочины голосует хорошенькая блондинка, машины начинают выстраиваться в очередь, как на стоянке такси в аэропорту. Девушка нырнула в

первую же подъехавшую, взглянула на водителя и... пропала. Решительно и бесповоротно. Сердце сначала остановилось, а потом заколотилось, словно бабочка за стеклом. Судя по глазам водителя – он тоже пропал.

Если бы не бдительная мама, то, вероятно, Лена очень быстро свернула бы операцию по захвату шефа и совершила бы непоправимую коммерческую ошибку.

Но маменька держала руку на пульсе. Обнаружив, что что-то идёт не так, она допросила волоокое чадю с пристрастием и устроила грандиозный скандал. Хотя это был даже не скандал, а эмоциональное объяснение всё той же аксиомы, суть которой сводилась к тому, что замуж надо выходить по расчёту. Убеждать родительница умела, поэтому Леночка слегка очнулась и начала судорожно искать выход. Более опытные дамы прекрасно знают, что выхода из такой позиции не бывает. Возможно только одно – самоустранение одного из кандидатов. В противном случае вся ответственность выбора ложится на хрупкие девичьи плечи.

Кандидаты о существовании друг друга понятия не имели, поэтому самоустраняться не собирались. Таким образом, мадемуазель Сухарёва вступила в затяжную фазу сокрытия их друг от друга.

На начальном этапе это оказалось довольно легко. «Котик» доверчиво выслушал байку о том, что у любимой на работе не приветствуется бурная личная жизнь, ибо начальство совершенно справедливо опасается, что бурная личная

жизнь приведёт к свадьбе и декрету, или, наоборот, к декрету, а затем – к свадьбе. Так или иначе, в итоге сотрудница будет потеряна на долгие три года, а место для неё придётся держать. Кому это надо? Да никому!

В душе барышня, конечно, надеялась, что любимый великодушно махнёт здоровенной лапищей и скажет:

– Да увольняйся! Проживём без твоей работы! Я на всё для тебя заработаю сам!

Ну, или нечто подобное, но со схожим смыслом.

Но «котик» ничего подобного не озвучил, а отнёсся к её объяснению с пониманием и у офиса обещал не маячить.

Эта его рачительность слегка остудила Леночкин пыл, но любовь есть любовь. Она нашла для столь неромантического поведения вполне прозаические оправдания. «Котик» смотрел на жизнь трезво и прекрасно понимал, что большая Леночкина зарплата пока что очень кстати, так как сам он потребности возлюбленной удовлетворять нынче не в состоянии. Более того, не факт, что когда-нибудь он в это состояние придёт.

Хорошо, что Лена об этом не догадывалась.

Или, наоборот, плохо. Так как в этом случае сделать выбор ей было бы гораздо легче.

И вот теперь, когда ясноглазый Константин Николаевич осмелел и активизировался, точно уж, в которого ткнули палкой, надо было на что-то решаться.

Леночка тоскливо взглянула на дверь, за которой скрылось игривое начальство, и запоздало поняла, что шеф сегодня позволил себе гораздо больше, чем раньше. Сегодня он не только заигрывал, но и почти собрался что-то такое сказать.

Это уже было опасно. Хотя... Разве не этого она хотела?

У женщин всегда так. Сначала не знают, чего хотят. А получив искомое, не понимают, что с этим делать.

И ладно ещё, когда это какая-нибудь зелёная сумочка, которая ни к одному наряду не подходит. Её можно забросить в шкаф до лучших времён. А если это мужчина? Его-то никуда не забросишь. И даже на время не отложишь, поскольку хороший мужик – как модный ридикюль: ещё неизвестно, что быстрее подберут соперницы.

А Мануров тем временем старательно претворял в жизнь свой завоевательный план. Обычно фантазия у мужчин работает так себе, поэтому самые продвинутые лезут за подсказкой в Интернет.

Через полчаса у Константина уже гудела голова, а женщины представлялись чем-то вроде стоматолога, который объективно нужен, а субъективно – ну его. Никогда раньше он так не напрягался для того, чтобы понравиться. Это всё происходило как-то спонтанно и, видимо, было связано с его дорогой одеждой, машиной и харизматичностью. Достаточно было улыбнуться, и отношения завязывались как-то сами со-

бой.

Своей секретарше Мануров доулыбался до того, что у него периодически начинало сводить щёки. Но девушка отделивалась вежливой полуулыбкой и навстречу не бежала. В общем, надо было удивить.

Первое, о чём узнал Костя: удивление – это эмоция, которая возникает в ответ на неожиданный стимул. Причём узнал он это раз двадцать на совершенно разных сайтах. Везде ему предлагалось примерно одно и то же: заумная лекция, в которой чаще перечислялись негативные последствия женского удивления, нежели позитивные. Оказывается, дам нужно было удивлять осторожно. Они видят гораздо больше подтекста, чем мужчины вкладывают в обычный сюрприз.

Помимо зауми Интернет пестрел советами на тему «как удивить девушку в постели». Мануров и не прочь был бы ими воспользоваться, но до этой замечательной стадии нужно было ещё как-то дойти. Романтические советы пугали сложностью исполнения и сомнением в том, что ему вообще удастся уговорить Леночку дотерпеть до сюрприза. В какой-то момент Костя даже заподозрил, что все советы на эту тему писал отшельник, давным-давно потерявший интерес к дамам и забывший, как они выглядят и чего хотят.

Оказалось, что больше всего женщины удивляются, когда мужчина исполняет их желания. Можно подумать, что все женщины держат своих кавалеров за упрямых ослов, которые норовят всё сделать поперёк. Так или иначе, но ва-

риант вкрутить лампочку, починить кран или вынести мусор Манурову никоим образом не подходил. Самостоятельное приготовление ужина и саморучное выращивание цветка в горшке также отменялись. Писать стихи он не умел, петь тоже, звать под окна любимой каких-то менестрелей тоже представлялось затеей сомнительной, поскольку как она догадается, что менестрели – именно к ней? Это раньше в каждой башне сидело ровно по одной принцессе. А нынче можно себе представить, какотреагируют жители многоэтажки на ночную серенаду. Как минимум можно уйти оттуда с банановой кожурой на ушах, а как максимум – с перебитым носом. И вряд ли Леночка признается при соседях, что это ради неё всех перебудили. И спасибо тоже скажет вряд ли. Особенно если вой под окном будет адресным и с транспарантом, содержащим имя адресатки. А без транспаранта она – как ранее уже говорилось, и вовсе не догадается, что это для неё тут надывается вокально-инструментальная группа, оплаченная активным воздыхателем.

Кроме менестрелей, предлагалось покатаť девушку на байке, лошади и даже на себе, распить шампанское под куполом парашюта или окунуть любимую в ванну с лепестками роз.

Лёгкие варианты вроде заказанного ужина на двоих едко высмеивались авторами статей, а начинающих ухажёров запугивали тем, что у дамы сердца может обнаружиться аллергия на морепродукты, начаться истерика при виде устриц,

она может оказаться вегетарианкой и возненавидеть кавалера за мясные тефтели, кроме того, у неё может быть психологическая непереносимость определённых цветов, звуков и людей в принципе.

Константин начал раздражаться. Похоже, что разминировать бомбу проще, чем удивить обычную секретаршу. Ему всегда казалось, что в недрах Интернета можно найти ответ на любой вопрос: почему болит колено, чем лечить похмелье, как проверить партнёра и куда поехать в отпуск так, чтобы воспоминаний хватило на год. И тут вдруг такая ерунда...

Самое элементарное оказалось Всемирной сети не по зубам. Вернее, там было слишком много плевел, найти среди которых зёрна оказалось делом невыполнимым. Как, например, неизвестный советчик представляет себе выполнение рекомендации «зажечь ночью под окнами девушки несколько десятков свечей, расположив их в форме сердца»? Во-первых, пока дойдёшь до последней свечи, первая уже за просто закончит гореть. Во-вторых, хорошо ещё, если не будет ветра, дождя или собак, метящих свою территорию. В-третьих, как девушка узнает, что ты там что-то жжёшь? По запаху? По дыму? Или сразу после зажигания надо активно орать и привлекать внимание?

Нет! Всё это категорически не годилось. А банальным букетом, пусть даже огромным, Леночку не удивишь.

И всё же один вариант нашёлся. И очень даже подходящий. Во всяком случае, Костя такому бы точно удивился.

Потирая руки от предвкушения чуда, он оплатил заказ и принялся ждать.

Как часто мужчины пребывают в наивной уверенности, что просчитали поведение женщины. Разве можно предугадать траекторию полёта фантика во время урагана? Разве дано кому-то точно знать, когда и куда уберутся мартовские коты, поющие под вашим балконом? Есть вещи, неподвластные объективности и логике. Женские реакции из их числа.

Когда Мануров уже грезил о том, как восхищённая его изобретательностью Леночка будет покорена и завоёвана, в честь чего непременно отправится с ним в ресторан, а потом и дальше, из приёмной раздался страшный визг. Таким полным ужаса тембром орут только жертвы инопланетян или дамы, увидевшие мышь. Про инопланетян Костя сомневался, насчёт мышей был абсолютно уверен – в его чистенькой конторе с евроремонтом никаких грызунов нет и быть не может. Тем не менее он, как истинный джентльмен, ринулся на крик, дабы, во-первых, удовлетворить своё любопытство, а во-вторых, спасти даму. В том, что вопила Леночка, он не сомневался.

В наше время за большие деньги можно получить как удивительно хамский сервис, так и наоборот – неожиданно качественный и быстрый.

Пока шеф упивался грядущей победой, ничего не подо-

зревшая Леночка уже впускала в приёмную курьера. Тот с таинственным видом вручил ей большую цветастую коробку, попросил расписаться и быстро удалился.

Судя по накладной, подарок предназначался ей, Елене Сухарёвой. Это же гласила и роскошная открытка с вензелями, где было напечатано её имя.

В том, что подарок не от «котика», девушка не сомневалась ни секунды. Тот не знал точного адреса фирмы, да и подставлять любимую вряд ли рискнул бы. Таким образом получалось, что на сюрприз разорился шеф.

Кровь бросилась Леночке в лицо.

Ну, вот оно, началось. Разве не этого она ждала? Этого. Так чего теперь?

А теперь было «того самого».

Как говорится: и хочется, и колется. С одной стороны, романтическая барышня хотела настоящих чувств, от которых сносило бы крышу, выпрыгивало бы из груди сердце, и по телу разливалась бы сладкая истома от одной только мысли о любимом мужчине. А с другой...

Всё же деньги в нашей жизни играют определяющую роль. Что бы там ни говорили про чувства и высокие материи. И Леночка верила маме. Конечно, год, два, десять – и острота чувств притупится, останется привычка, доверие, какие-то общие интересы, общий быт и так далее. Дальше даже думать не хотелось. Потому что представлялась какая-то скучная серость с откладыванием денег на отдых, на образование

детей, с унылыми подсчётами этих самых денег, ссорами... И это если у любимого будут функционировать его торговые точки. А если нет? И в любом случае Леночке придётся всю жизнь пахать, ходить на работу, от кого-то зависеть, кого-то слушаться. Разве она не достойна большего?

И тут начинался следующий виток мыслей. Если, только предположим, ни в коем случае этого, конечно, не будет, но если... Так вот, если она всё же ответит на охи и вздохи Манурова, что будет? Зацепить-то она его зацепила, но не станет ли она для него всего лишь временной утехой? Хотя это как раз зависит от женщины. Не всё, но многое. Ведь именно женщина руководит поступками мужчины, что бы он там себе ни воображал. И если Леночка всё сделает правильно и станет мадам Мануровой, то что?

То всё.

У неё будет всё – достаток, покой, независимость. Она сможет осуществить свою мечту и открыть свой маленький бизнес. Она ведь не собирается всю жизнь висеть на шее мужа. А вдруг что? Нужны гарантии, нужны тылы, чтобы ни от кого не зависеть. Леночка уже видела себя хозяйкой какого-нибудь небольшого ателье или салона красоты. Или магазинчика. Да неважно чего. Важно, что хозяйкой. Собственницей. Главной. Она сама станет начальством. И не надо будет больше выбирать, что купить: тушь или помаду, колготки или шарфик. Весь мир окажется у её ног. И для этого всего-то нужен мужик с кошельком. Но ведь вот он есть, сидит

за стеной, ждёт, когда она откроет его подарок! От Лениной реакции, от сегодняшнего выбора будет зависеть вся её жизнь.

И как, скажите на милость, с таким грузом ответственности за себя, любимую, открывать коробку с сюрпризом?

А если там кольцо невесты?

Хотя нет. Это она, конечно, размечталась. Во-первых, ра-новато, а во-вторых, габариты не те. Тут, скорее, мог находиться какой-нибудь мини-обруч или вообще хомут. А что, в такую коробищу и надувной бассейн в сложенном виде вполне можно засунуть. А если там эротическое бельё? Константин же выбирал, старался, нельзя за это по морде бить и продолжать строить из себя институтку. А если не бить, то что? Надевать это бельё, что ли? Так тогда она уже не институтка будет, а нечто похуже. И в рифму.

Судорожно выдохнув, девушка зажмурилась и сняла круглую крышку. Первое, что она успела заметить – плотное брюшко какого-то насекомого с шевелящимися конечностями.

Именно тогда здание и содрогнулось от её душераздирающего вопля.

Константин Николаевич вывалился из приёмной с круглыми, как у филиппинского долгопята, глазами. С первого же взгляда на секретаря стало ясно, что сюрприз доставлен.

Как там писали в Интернете – эмоция, которая возника-

ет на неожиданный стимул? Эмоция у Леночки была о-го-го. Хорошо, что предмет обожания вообще не отбросил свои стройные копытца.

Дело в том, что Константин Николаевич посчитал самым подходящим сюрпризом коробку с бабочками. При этом он весьма опрометчиво заказал самых дорогих и побольше, совершенно не подумав, что чем крупнее бабочка, тем толще у неё брюшко и тем длиннее устрашающие усики. Стоило ещё учесть, что бабочки слегка подмёрзли и не выпорхнули весёлым салютом в разные стороны, а тяжело, как обожравшиеся голуби, разлетелись на расстояние полуметра от очумевшей барышни. Одна из них, жирная и яркая, как цыганский платок, вяло ползла по Леночкиной белоснежной блузке.

Несчастливая секретарша, одним прыжком взметнувшись от расползшегося по её столу великолепия на подоконник, стояла, уцепившись за жалюзи, и уже не орала, а тихо подвывала.

– Ах ты ж ё... – прошептал Мануров и бросился к трясущейся в панике секретарше. Он быстро сграбастал абсолютно не сопротивляющуюся девушку, отцепил от неё здоровенную бабочку и уволок Леночку в свой кабинет. Там он сначала бросился к бару, чтобы налить ей успокоительного, но Леночка синими губами прошептала:

– Дверь!

И дрожащей лапкой махнула в сторону входа. Видимо, боялась, что тропические чудовища устремятся за нею следом.

Константин послушно захлопнул дверь и щедро плеснул в стакан виски. Лена выпила предложенное залпом, едва не откусив край стакана.

– Однако, – пробормотал Мануров, аккуратно разогнув её пальчики и вернув стеклотару на место. – Я смотрю, вы бабочек-то не особо любите.

Леночка тихо и интеллигентно икнула, пугливо поджав ноги и съёжившись.

– А я вас удивить хотел, – сварливо сообщил шеф. – Не вышло. Надо думать дальше.

– Очень даже вышло, – в панике взвыла Лена и для пушей убедительности зачем-то выкатила глаза. Вероятно, чтобы иллюстративно подтвердить степень своего удивления. Надо полагать, что намерение начальства удивлять её дальше напугало девушку даже больше, чем предыдущий сюрприз, поскольку она изъявила готовность вернуться в приёмную и поудивляться ещё.

– Сидите тут, – вздохнул Костя. – Сейчас я уборщицу позову.

В течение следующего получаса девушка сверкала коленками в его кабинете, а уборщица Фаина Юрьевна, весело матерясь и грохоча мебелью, ловила бабочек. Вздрагивать Леночка очень быстро перестала и начала поглядывать на шефа, как ему показалось, с интересом. Он мысленно прикинул, что это мог быть за интерес. Женский, когда дама наконец-то прозревает, что за ней пытаются ухлестнуть, и дела-

ет ответные телодвижения? Или же интерес исследовательский, когда женщина смотрит на кавалера изучающе и настороженно, прикидывая, что он ещё может выкинуть? Первое Константина устраивало больше, поэтому, как и любой мужчина с завышенной самооценкой и здоровой психикой, второй вариант он просто отбросил.

– А не пообедать ли нам? – игриво поинтересовался он, глядя на раскрасневшуюся секретаршу. Учитывая выхлебанный виски, она должна была стать намного сговорчивее. Разумеется, Мануров не собирался этим пользоваться – это было бы слишком пошло и оскорбительно для его самолюбия. Что с ним, только по пьяни можно переспать? Разумеется, нет! Поэтому он планировал всего лишь пообедать и отвезти Лену домой. Зато первый шаг к сближению будет сделан. Может быть, он даже её поцелует. Ну, там уж как пойдёт.

– Давайте, – осторожно согласилась Леночка.

Костя ликовал. Пусть сюрприз сработал и не совсем так, как планировалось, но сработал же!

Они уже подходили к дверям, когда навстречу вломилась громогласная Фаина Юрьевна.

– Константин Николаевич! А можно я их себе заберу? – пробасила она, ткнув им под нос злополучную коробку.

Леночка с тихим пискom впечаталась в шефа, а он, моментально сориентировавшись, приобнял её и великодушно отмахнулся:

– Да берите, конечно. На здоровье.

Счастливая уборщица радостно утопала, а Леночка осторожно отлепилась от начальственной груди и пошла выключать компьютер.

Разумеется, она всё понимала. Но виски и мамины наставления толкали её по проторённой колее. Лена тоже понимала, что первый шаг сделан.

* * *

Тётки в администраторской пили чай и сплетничали перед началом занятий. Тётками Света называла их в шутку, поскольку самой младшей было двадцать три года, и вела она лепку для малышей. А старшей было что-то около пятидесяти, хотя по бойкости и эпатажу она дала бы фору любой тинейджерке. Центр дополнительного образования, где посчастливилось работать Светлане, отличался удивительно весёлым коллективом, неплохой зарплатой и возможностью подработать. Особенно в пору контрольных и экзаменов. Вообще-то это было запрещено, поэтому Света пока побаивалась брать подобных учеников, да ей и не предлагали. Вот у математички и русички, которые готовили оболтусов к ГИА и ЕГЭ, отбоя от желающих не было.

– Так ты родителям намекай, – советовала Анечка, которая вела русский. – Они ж к тебе приходят, спрашивают. Только от тебя зависит, как построить разговор. И не вздумай предлагать сама. Жди, когда тебя попросят.

Поскольку денежный вопрос всё сильнее беспокоил мадемуазель Рошину, её даже стало немного напрягать, что никто ничего не просит.

Но пока ей и так было хорошо.

Сегодня она слегка опоздала, поэтому пришла в тот момент, когда народ, расплескав чай, лежал от хохота. Галина Ефремовна, та самая пятидесятилетняя эпатажница, как всегда, развлекала товарок байками.

– А ещё, – продолжила Галина, довольно улыбаясь – она любила быть в центре внимания, – был у меня случай. Перед Восьмым марта как раз. Сiju, знаете, и думаю, с кем пойти в театр. У меня два приглашения, а, сами понимаете, с кем праздник проведёшь, с тем потом и завтракать. Ну, и вообще, как витязь на распутье, только надписей нет – где коня потеряешь, а где голову. С мужчинами же только так. Приобрести можно только бесценный опыт, и тот основывается на наших же ошибках. А, знаете ли, неудачный такой момент выпал, когда оба кавалера, как говорится, не в масть. Один слишком молод, а меня это напрягает. Всё ж ему есть с чем сравнить, да и мне не двадцать – я всю ночь, извините за выражение, праздновать не смогу. Другой – слишком солидный. Не в смысле – гриб трухлявый, а в том плане, что он как колобок-переросток – пузат и огромен. Зато мой ровесник. С ним и поговорить есть о чём, и спать он наверняка брыкнется не к утру, а ближе к полуночи – что мне и надо. Но... В общем, сiju, определиться не могу. И вдруг прихо-

дит мне эсэмэс на телефон. Такого, понимаете, фривольного содержания. Дескать, ноги помыл, рожу побрил, носки снял, лежу – жду. Где ты, мол, моя прекрасная газель, приезжай скорей, будет тебе небо в алмазах. И всё это изложено в стихах, правда, корявеньких и без рифмы, но с душой. И всё бы ничего, если б, во-первых, во мне, как вы сами знаете, не было пяти, а то и шести газелей. Я имею в виду ланей, а не грузовичков. А во-вторых, пришла эсэмэска от одного из родителей моих учеников. Приятного, надо заметить, мужчины. Там мальчик чудо как глуп, просто непробиваемо, но родители страстно желают его натаскать хоть на какой-нибудь институт. В общем, читаю я и думаю. Возможно, папаня решил меня таким образом простимулировать, чтоб я с его чадом активнее занималась. Но ведь должен же быть какой-то подготовительный этап. Я женщина капризная, меня мытыми ногами и снятыми носками не заманишь. Так или иначе, понимаю, что ошибся он, увы, адресом. Но при этом подумала, что вот надо же – столько лет вместе люди, и такие у них с женой отношения чудесные. Вы же понимаете, я женщина консервативных взглядов, мне ничего другого и в голову не пришло. А после праздников заявляется он ко мне весь свекольно-фиолетовый, с букетом таких же роз, причём папаня этот, наверное, даже ярче цветочков рдел. Я ему и говорю, дескать, что ж вы за дамой не в том порядке ухаживаете: сначала носки снимаете, а потом с цветами прётесь. Тут он вообще синеет и начинает мямлить, что, мол, накла-

дочка перед праздниками вышла, случайно не на тот номер сообщение отправил, ибо слегка разгорячён был. Извиняется он за носки и за газель. И, внимание! Просит это забыть и ни в коем случае не обсуждать с его женой. И даже, знаете ли, денег мне за это предлагает. Так что, девочки, отвратительные существа эти мужики. А деньги я взяла. Тем более что он уже с конвертиком припёрся. За всё платить надо. И за мои попорванные надежды тоже. Я ж, грешным делом, что-то такое себе даже мечтать начала.

– А с кем вы, в результате, Восьмое марта встретили? – вместе со всеми заливаясь хохотом, поинтересовалась Света.

– С подругой, – улыбнулась Галина Ефремовна. – Отличный, надо сказать, праздник получился. Запомните, девочки, никогда не надо идти на уступки общественному мнению. Да, женский день принято встречать с мужчиной. Но если у вас нет такого, который однозначно хорош и подходящ, не ломайте себя. Нужный экземпляр найдётся позже. А вот то, что вы сдались под напором обстоятельств, оставит неприятный осадок. Никогда не делайте то, о чём точно будете потом жалеть. И эти поговорки про то, что лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, не для нашего случая. Умейте себя уважать. И заставьте мужчину делать то же самое.

Всё, что говорила мудрая Галя, Светлана наматывала на ус. Всегда лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих. Поболтав с девочками о всякой чепухе, она уже собралась

было идти в кабинет, как вдруг трубка разразилась воплями «караул!» в исполнении Масяни. Этот оригинальный звонок Светлана установила персонально для номера сестры. Танька всегда звонила исключительно поистерить на тему мамы.

Дело, как мы уже знаем, в том, что даже то, что дочь вышла замуж и жила отдельно, не останавливало вечный процесс воспитания. Дарья Антоновна желала контролировать Татьяну на расстоянии. Более того, её активное давление распространялось не только на сбежавшую Таню, но и на её мужа и ребёнка.

Деятельная бабушка желала руководить всеми процессами, происходящими в молодой семье. Она ломилась в гости, требовала давать ей внука, учила всё семейство правильно готовить, есть, одеваться, лечиться и вообще – жить. Они, конечно, не слушались, оба поколения невообразимо собачились, поэтому Света часто вынуждена была работать буфером между мамой и сестрицей.

Кстати, рождение племянника увеличило количество тем для скандалов. И если до появления на свет Тимофея все шишки сыпались только на Пашу, мужа сестры, то с появлением нового члена семьи склоки стали гораздо разнообразнее. Началось всё с того, что маме категорически не понравилось имя, без её участия выбранное для ребёнка, и вот уже шесть лет ей не нравилось всё остальное, что было связано с нежно любимым внуком. Его водили не в те кружки, не в тот сад, не тем кормили, не там выгуливали и так далее. Спра-

ведливости ради надо отметить, что Света тоже с недоумением отнеслась к тому, что племяша записали на балльные танцы и рисование. На её взгляд, логичнее было отдать подвижного и непоседливого мальчишку в спорт. Но как правильно отрубила сестрица:

– Родишь своего, отдашь, куда захочешь. Не уподобляйся нашей маме.

Тут Таня была права. Кстати, молодая бабушка считала, что ребёнка вообще надо отдать в балетную школу и взять нормального преподавателя из художественного училища, чтобы сразу растить гения, не размениваясь на мелочи. Так что все дамы находились в равноудалённых углах треугольника межсемейной напряжённости. Причём Светланина напряжённость выражалась лишь в желании не вникать в их разборки и не участвовать в постоянных обсуждениях Паши и Тимофея.

На сей раз Татьяна начала орать с самого начала разговора. Надо полагать, что мама опять отчебучила нечто весёлое.

– Она его потеряла! – верещала Танька, задыхаясь от гнева. – Ты можешь себе представить? А? Что ты молчишь? Я сижу и трясусь. У меня болит живот, голова, и, кажется, появились седые волосы.

Судя по тому, что на заднем плане Тимофей исполнял какую-то революционную песню, потеряшка уже нашёлся, а это значит, что сестра будет излагать подробности поисков со счастливой развязкой.

– Я всего-то захотела сходить в парикмахерскую! У Тимки сейчас карантин в саду, мы решили поддержать его дома. И я попросила маму погулять. Понимаешь? Я всегда гуляю сама, а тут попросила. Она ж всё время ломится изобразить заботливую бабушку! И обижается, что я мешаю. Так вот. Мы вместе вышли на площадку, я их оставила побыть на площадке минут сорок и ушла. А когда вернулась через три часа, их дома не было! Я чуть с ума не сошла! На улице мороз! Я позвонила вам домой, но дома никто не взял трубку. Ты, кстати, где?

– Тань, ты чего? – удивилась Света. – На работе я. Где мне быть-то? Ну, и что дальше? Не отвлекайся, а то расплещешь праведный гнев и не донесёшь до меня.

– Ишь ты, острит она. Я б посмотрела на тебя в такой ситуации. Короче, я рванула к вам, благо недалеко. Дома никого нет! Я понеслась на площадку – там тоже пусто! Смотрю, у нас дома окна светятся. Я домой! А она тут. Всю квартиру провоняла корвалолом. И орёт на Тимоху. Оказывается, она его оставила на площадке и пошла купить программку. Она, видишь ли, не любит жить без программы на неделю. Ей, понимаешь, непонятно, что и когда идёт по телевизору! И почему нельзя было Тимофея взять с собой? Как можно в наше время оставлять ребёнка без присмотра?

– Короче, вы опять поругались, – констатировала Света с печальным вздохом. Дело в том, что пару раз подобные случаи уже были, и почему сестрица продолжала доверять Ти-

мофея бабушке при таком раскладе – для неё оставалось загадкой.

– Нет, блин! – рывкнула Татьяна. – Я сказала ей большое спасибо и поклонилась в пояс! Пока она моталась за своей газетой, Тимка решил, что бабушки слишком долго нет, и пошёл домой. И даже позвонил в домофон, но ему никто не открыл! И тогда он пошёл обратно на площадку. Но бабушки там уже не было, потому что она принеслась, увидела, что ребёнка нет, и начала бегать по микрорайону. А вернуться на площадку ей в голову не пришло. В результате мама нашей подружки, увидев Тиму одного, привела его к подъезду, а там как раз скачет наша чеканутая бабка. И в результате виноват оказался ребёнок, потому что не послушался и ушёл. Ещё я, потому что родила такого идиота и неправильно воспитала. И даже мама нашей подружки по садику – потому что вмешивается в чужие дела. Ты представляешь?

Это как раз Света могла представить запросто. Когда Дарья Антоновна буянила, всё живое в радиусе километра оказывалось виноватым во всех смертных грехах. А она, конечно же, буянила. Как иначе-то? И вечером продолжит.

– Короче, бойся, Светка! Мать усвистела от меня на метле, поэтому сегодня тебе тоже влетит.

Смешно было даже спрашивать, за что влетит. От мамы все всегда получали под настроение. И за что получить – всегда найдётся.

– Кстати, – неожиданно хихикнула Татьяна. – Пашку она

дождаться побоялась. Мне кажется, она не столько считает себя правой, сколько давит на психику. Ну, согласишься, разве в этот раз не она виновата?

– Если я тебе скажу, что ты, ты ж не поверишь? – предположила Светлана.

– А я в чём виновата? – взвилась сестра.

– Потому что каждый раз наступать на одни и те же грабли – глупо. Она что, первый раз так делает?

– Я думала, что тех разов ей хватило!

– Ну, если тебе не хватило, то почему маме должно хватить? – резонно возразила Светлана. – И, заметь, каждый раз ты орёшь, но по факту-то ничего не случилось.

– Ты вот роди сперва своего, а потом рассуждай на такие темы, – сестра наконец-то произнесла коронную материнскую фразу, после которой крыть бывает уже нечем. – Думаешь, у меня запасные дети есть для подобных экспериментов? Я по необходимости оставляю. Короче, я звонила тебя предупредить. Чтобы домой ты шла подготовленная. Маманя там сердечный приступ будет изображать и костерить меня последними словами. Мужайся, сеструха. Лично я сегодня буду пить. У меня стресс.

– Тебе посочувствовать или поздравить? – всё же не осталась в долгу Света.

– С чем? Светка, меня пугает твоё чувство юмора.

– С тем, Танька, что у тебя есть с кем пить. А у меня только мама.

– Не купись. И на твоей улице перевернётся грузовик с мужиками.

– Можно подумать, мужиков вокруг мало, – хмыкнула Светлана. – Их тьма. А вот найти в этой тьме нормального везёт не всем.

– Повезёт. Я в тебя верю.

В ресторан Мануров повёз Леночку напрасно. Вернее даже, напрасно он поил её виски в своём кабинете. Непривыкшая к крепкому спиртному барышня совершенно опьянела и неожиданно начала засыпать. С одной стороны, приятно, когда на твоём плече спит очаровательная спутница. А с другой – когда она же норовит заснуть в ресторане, это слегка смущает. Зато у пьяной женщины можно много чего узнать. Полезного. Это по трезвости они себе на уме и говорят с непонятными подтекстами, а то и вовсе телеграфируют некие невнятные намёки взглядами. А пьяная женщина – находка для разведчика. Не в том смысле, что ею проще воспользоваться, а в том, что можно определить своё место в системе её координат и то, что она по поводу тебя планирует.

– Думаете, я ничего не понимаю, – Леночка сурово водила перед носом Манурова тонким пальчиком, норовя поставить локоток в тарелку с отбивной. – Привыкли получать всё, что хочется. А я не такая!

– Не такая, – поддакивал Константин, ненавязчиво отодвигая её изящную лапку. Ноготок, выписывавший синусо-

иды у него перед физиономией, был красиво расписан блестящими узорами и потрясал нечеловеческой длинной. Таким если промахнуться, можно и глаз выколоть.

– Вы мной попользуетесь и выкинете, как... как... о, как салфетку! Ещё и с работы уволите! Чтобы не маячила и не мешала. Воспоминания – это балласт. А бывшая женщина – это балласт вдвойне. И самое логичное – от балласта избавиться. Ведь так?

– Так, – опрометчиво кивал Мануров, потрясённый глубиной Леночкиной философии.

Надо же, какая она умненькая.

А Леночка, самозабвенно цитировавшая многоопытную маму, строго и неодобрительно хмурилась.

Поэтому Константин, спохватившись, начал трясти головой строго отрицательно и торопливо оправдываться:

– У нас всё будет по-другому! Ни в коем случае не балласт. Что ты!

– С чего ты взял, что у нас что-то будет? – ухмыльнулась секретарша, так же легко перейдя на «ты». – Что, думаешь, в ресторане покормил, жуками напугал – и я растаяла?

– Там были бабочки, – сумрачно напомнил Мануров. – А что ещё надо сделать?

Сложность завоевательного процесса и тот факт, что его незамысловатый план так быстро раскусили, Костю расстроили.

– Женщину надо любить! Искренне и долго, – назидатель-

но сообщила Леночка.

– Я могу...

– Не в этом смысле, Константин Николаевич! Не в этом! – и она снова укоризненно поводила пальчиком у него перед глазами. – Любить – это не действие. Это уважение, преклонение. И долго – тоже не процесс, а результат. Это значит – всю жизнь. А не пару месяцев, но качественно. Ясно?

– Не очень. Я тебе не нравлюсь?

– Я пока не решила, – неожиданно озадаченно отреагировала Леночка. И даже лоб наморщила. То ли что-то вспоминая, то ли продолжая решать этот затейливый вопрос.

– Ну, – поторопил Мануров. – А мои какие действия? Ты мне очень нравишься. Заметь, я ничего себе не позволяю. Я жду. Разве это не уважение?

– Жди, – согласилась Лена.

Вероятно, Мануров как-то не так повёл разговор, поэтому ясность не наступила. Хотя в актив встречи можно было занести то, что девушка просто боялась быть использованной. Костя в какой-то момент почувствовал себя барином, который собирается облагодетельствовать крестьянку, а та не верит своему счастью. Но он тут же устыдился столь глупых сравнений. Не похоже, чтобы секретарша не верила своему счастью. Тут было что-то ещё. Хорошо хоть, что она его использовать не собиралась. А то нынешние блондинки – они такие, палец в рот не клади. Сами на закукорки запрыгнут, охомутают и будут кататься.

Решив, что всё скорее хорошо, чем плохо, Мануров отвёз барышню домой, прислонил к дверному косяку и быстро поскакал по ступеням вниз. Знакомиться с Леночкиными родителями он был пока не готов. Всё же не стоит бежать впереди паровоза. Хотя намерения у него самые серьёзные, но надо всё ещё раз обдумать и взвесить.

После расставания он ненадолго заехал на работу, а потом отправился в фитнес-клуб. Лишние кубики на прессе ещё никому не мешали.

У ресепшен его едва не сбила с ног высокая, худенькая блондинка.

– Ой, – она вцепилась в его пальто, едва не рухнув на идеально вылизанный пол. – Извините.

– Это вы меня простите, – великодушно улыбнулся Костя. Девицу эту он то и дело встречал в клубе. То ли она тут работала, то ли худела. Хотя, скорее всего, работала. Худеть этой смешной, голенастой девчонке было некуда. Она была похожа на длинную макаронку, даже блондинистый хвост до талии был похож на тонкую спагетти.

Она всё стояла, держась за Костин воротник, и как-то странно смотрела.

– Всё в порядке? – Манурову не терпелось уйти. В зале его ждал Андрюха, с которым очень хотелось поделиться новостями. По телефону Костя ничего рассказывать не стал. Как отметил Вересов – тянул интригу.

– Да, – она наконец отцепилась и улыбнулась.

– Вот и отлично, – Константин осторожно похлопал девушку по плечу и устремился дальше.

Света стояла и смотрела ему вслед. Ничего. Она ещё что-нибудь придумает. Потому что никто, кроме этого ясноглазого брюнета, был ей не нужен. Только он. И она добьётся его, чего бы это ни стоило.

– Рощина, ты ничего о нём не знаешь, – рассерженной пчелой гудела в трубку Катерина. – А если он извращенец? Или дурак? Или просто гад? И вообще, прежде чем начинать такие непонятные отношения, посмотри его личное дело или что там в клубе есть? Карту какую-нибудь! Спиши адрес, место работы, личные данные. Если что, я хоть буду знать, на кого жаловаться. И вообще, это несерьёзно. Может, он альфонс какой-нибудь, а в клуб ходит внешность полировать, чтобы потом доить богатых старух.

– Катька, ты чего такая вредная? – удивилась Света.

– Я за тебя боюсь, – призналась подруга. – Если бы он за тобой ухаживал, я б слова не сказала. А тут я чувствую, что что-то ненормальное. Чтобы ты, Светка, влюбилась, да ещё сама за мужиком бегала...

– Я за ним не бегаю! Я аккуратно продвигаюсь к знакомству. Бегать за кем-то можно тогда, когда от тебя убегает. А он не убегает. Он просто ещё не знает.

– Ага. Не знает, какое ему счастье обломится. А то б

непременно в ладоши начал хлопать.

– По-твоему, я не счастье? – возмутилась Светлана.

– Ты-то да. Только вот по зубам ли ему такая девушка? Просто влюбляться – это последнее дело. Я тебе сто раз говорила: любить должен мужчина, добиваться должен он же, и инициировать начало романа – тоже задача мужика. Мы должны либо соглашаться, либо нет. Это должен быть наш, женский выбор. А ты себя сознательно запихиваешь в ситуацию, где нет выбора. Когда в любви ставишь себе конкретную цель, есть очень высокий риск этой цели не добиться. И что ты тогда будешь делать?

– Я добьюсь, – уверенно улыбнулась Света.

Видимо, в ней просыпались мамины гены.

День всех влюблённых – это праздник, который может послужить как поворотной вехой к чему-то новому и значительному, так и толчком к окончательному разрыву отношений. Причём в большинстве случаев и то, и другое зависит исключительно от мужчин. Подарил правильный подарок – позитив. Не подарил, забыл, подарил не то, не той, не с тем выражением лица, с хамским намёком, банально, слишком экстравагантно – в общем, тут можно привести бесконечное множество вариантов, но, так или иначе, ясно, что все они ведут к разрыву. Или бурной ссоре с длительным примирением и ещё одним подарком.

Как ни крути, всё сводится к тому, что нужно уметь уго-

дить даме своим подношением. Тут однозначных советов быть не может, так как дамы все разные, у каждой в голове свои личные, выдрессированные на определённые условные реакции тараканы.

Костя после случая с бабочками решил не рисковать. Тем более что переломный момент в отношениях так и не настал. Поход в ресторан не привёл ни к сближению, ни к отдалению. Его букеты, милые сувениры и плюшевые уродцы, которыми он задаривал неприступную Леночку, благосклонно принимались, но на предложение пообедать, поужинать, сходиться куда-нибудь она вежливо отвечала «нет». Если он вставал слишком близко, она отодвигалась, если якобы случайно дотрагивался – отходила, брал за руку – руку отнимала. Не резко, не грубо, но всё же отнимала.

– И как это понимать? – мучился Мануров, доставая вопросами друга. – Это мы шаг вперёд – два назад, или что? И вообще, что делать-то?

– С бабами вообще тяжело, – философски тянул Андрей, про себя думая, что приятель слишком уж всё усложняет. – Они считают, что мы простые, как валенки. Ну, попробуй переть танком. А то ты всё с недомолвками...

– Какие недомолвки?! Я ей прямым текстом сказал! Она подарки берёт...

– Костян, какие подарки? Что ты там даришь-то? Цветочки, фигню всякую? Она же явно ждёт чего-то существенно-

го. Не жмоться. Красивые девушки, да и не только красивые – все любят щедрых. И богатых. С деньгами у тебя всё в порядке. Пр продемонстрируй широту души.

– Я спугнуть боюсь, – признался Костя.

– Где ты видел бабу, которую можно испугать деньгами? – заржал Вересов. – Это как ежа голым задом пугать. Не смей меня.

Итогом их разговора стало решение купить Леночке что-нибудь из ювелирки. Как любой мужчина, не склонный к романтике и очень утомлённый всеми этими книксенами с затянувшейся прелюдией, он припёрся в ювелирный магазин и строго обозначил услужливой девушке у витрины цену.

– А что бы вы хотели? – начала девушка, но была сурово заткнута, поскольку Костя и так чувствовал себя крайне неловко. Ещё в магазине время тратить на бабские разговоры! Всё должно быть максимально просто: пришёл – купил. Он терпеть не мог эти маркетинговые хороводы вокруг клиента. Нет, денег ему было не жалко. Было страшно, что Леночка не примет подарок и он будет выглядеть идиотом. И исправить будет уже ничего нельзя. Поэтому её всё же придётся уволить, как свидетельство и причину своего позора. Мануров вдруг поймал себя на мысли, что уважение к секретарше как-то улетучивается, постепенно уступая место раздражённому непониманию. Сколько можно-то?

Поэтому он жёстко повторил условия:

– Я хотел бы купить что-то в районе названной суммы.

Ясно?

– Не очень, – испугалась продавщица. – Вы хотите кулон, серьги, колечко...

– Я хочу просто купить! И чтобы коробочка красивая! – рявкнул Костя.

– А камень?

– Что «камень»? Девушка, у меня очень мало времени. Что вы меня мурыжите?

– Какой камень вы предпочитаете? – едва не плакала девица.

– Какая, на хрен, разница? – взмолился Мануров. – Мне ж женщине подарить, а не дом облицовывать.

– Ну да, – неожиданно подобралась та. То ли не одобряла что-то, то ли просто завидовала. Другие варианты Косте в голову не пришли. – Кольцо подойдёт?

– Да!

– Какой размер?

– Госсссподи! – взвыл Мануров, который обычно отделывался от барышень либо более мелкими подношениями, либо просто выдавал карту, а те уже сами себя одаривали. – Размер чего? Пальца?

– Да, – терпеливо кивнула продавщица. Но взгляд её стал колючим и недобрым.

– Пальца?! Я ещё понимаю, вы б про грудь спросили...

– У пальца тоже есть размер. Если кольцо будет мало, оно не налезет. Если велико – спадёт, – голосом педагога в классе

для умственно отсталых провешала девица. – И ваша дама может расстроиться.

– М-да, – задумчиво протянул Костя. – С женщинами всё так. Сплошные проблемы. И даже просто кольцо на палец не купишь! И тут можно не угодить. Ладно. Дайте то, что не упадёт.

– У вашей дамы уши проколоты?

– Вроде да. А может, нет. Но скорее да.

Он напрочь не помнил, что там у Леночки с ушами. Ну, были, и всё. Сколько тонкостей! Озвереть можно.

– Тогда кулон или брошку. Брошки она носит?

– Да хрен её знает, – выдохнул Константин. Ему было жарко и душно в этом ювелирном салоне, он устал и хотел домой – поест и спокойно лечь спать. День влюблённых ещё не начался, а он уже ненавидел этот праздник.

– Кхм, – барышня явно повеселела. Вот и поди разбери этих баб. Только что дулась, как мышь на крупу, а теперь уже глазками стреляет. – Вы для дамы в возрасте или для любимой девушки подарок ищите?

– Для любимой, – процедил Мануров. – Давайте уже, что у вас там есть. Кулон с цепочкой не свалится с неё? Есть там подвох какой-нибудь?

– Нет, – консультантша снова стала колючей, как голодный ёж. – Это подойдёт?

– Да, – мельком глянув на блестящую ерунду, отмахнулся Костя. – Только чтобы коробочка красивая была.

То ли ему показалось, то ли девица что-то такое вякнула издевательское. Он напряжённо взгляделся в её лицо, но она лишь доброжелательно улыбнулась, ловко упаковывая золотую ерунду, которая стоила совершенно ненормальных денег.

Всё же женщины – совершенно экзотические особы. И управляться с ними могут лишь редкие специалисты.

Подарок Леночка взяла. Правда, с опаской.

– Открой! – Мануров чувствовал себя героем и вообще – благодетелем. Поэтому категорически не уходил, желая насладиться реакцией и под это дело затребовать награду. Ничего особенного он не хотел. Просто провести вечер вместе, а там – как пойдёт. Хотя в душе он считал, что пойти уже должно было бодрыми темпами, и туда, куда надо. И если Вересов прав, то Лена ждала только основного толчка в виде крупных трат авансом. Ладно, он потратился. Теперь дело за ней.

Нет там никого живого, – немного раздражённо подбодрил её Костя, видя, что барышня тормозит с открыванием коробки. Небось снова подозревает, что что-нибудь выползет, выскочит или вылетит. Ну, он же не дурак – повторять свои ошибки.

Леночка завозилась бодрее, открыла, изумлённо ахнула. Всё, как и планировалось.

Константин приосанился и ждал. Интересно – поцелует

или нет?

– Константин Николаевич, спасибо! – пропищала Леночка.

Этим «Константином Николаевичем» она, словно каменным забором, отсекла все планы и надежды шефа на вечер..

– Что ты так официально! – раздосадованно всхрипнул Мануров. – Нравится?

– Очень!

– Надень!

Он втайне ждал, что девушка попросит помочь застегнуть цепочку. Или ещё что-то придумает. В общем, как-то поможет продвинуться к телу.

Разбежался!

Лена быстро и послушно сняла то, что у неё болталось на груди до сего момента, и ловко прицепила подарок.

– Красиво, – подбодрил Мануров, разочарованно крякнув про себя: надо ж, издевается, что ли?

– Очень! – искренне согласилась Лена. – Ещё раз спасибо! Мне никогда не дарили таких потрясающих вещей!

– Хм. Рад, что угодил. Может, отметим это вечером? – Он так старательно изображал свою незаинтересованность, что лёгкое притопывание ногой, пока мадемуазель Сухарёва собиралась с мыслями, стало походить на нервный тик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.